

Раздел 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

К. Д. Бугров

Уральский государственный университет

АРХИВЫ, ПУБЛИКАЦИИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ «НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» РОССИИ

В последние годы среди отечественных исследователей истории постепенно набирает популярность методологическая парадигма, которая была в 90-е гг. XX в. известна как «новая политическая история» и которая связана с именами историков «кембриджской школы» – прежде всего, Кв. Скиннера и Дж. Покока. К подобной тематике сегодня обращаются и А. Б. Каменский¹, и В. М. Живов². Наиболее же активно методы «кембриджской» школы используют специалисты Европейского университета в Санкт-Петербурге³.

Интересно, однако, отметить: работы, принесшие широкую известность Скиннеру и Пококу, были связаны с изучением, прежде всего, интеллектуального наследия, выраженного в *политической публицистике* – от Макиавелли и Гвиччардини до Гоббса и американских «отцов-основателей». Основанные на широчайшей источниковой базе, труды кембриджских историков концентрировали внимание, в первую очередь, на связи между политической мыслью и политическим действием. Контекстуализация исследования достигалась благодаря тщательному исследованию интеллектуальных связей между текстами хорошо известных авторов «первого уровня» и массой менее известных текстов, связанных с большими политическими событиями, которые делали актуальным обсуждение именно этих проблематик – дебаты во Флоренции времен Республики,

религиозные войны во Франции, революции в Нидерландах, Англии, Соединенных Штатах Америки...

Этим объясняется то центральное значение, которое исследователи «кембриджской школы» придают прагматическому, идеологическому аспекту текстов. Яркой иллюстрацией здесь служит название обширного и весьма благосклонного обзора работ Скиннера, сделанного Дж. Тьюлли – «A Pen is a Mighty Sword», отсылка к известной цитате из пьесы Э. Бульвер-Литтона «Ришелье, или Заговор» 1839 г.: «The pen is mightier than the sword»⁴.

Безусловно, привлекательной стороной политической истории «по-кембриджски» является ее способность переоценивать. Таким образом, к источнику можно обратиться с таким рядом вопросов: что автор имел в виду; кому были адресованы его аргументы; поддерживал ли он ту или иную аргументацию, более или менее распространенную в обществе его времени; не содержит ли тот или иной текст иронии; что могут рассказать умолчания – подчас более выразительно, нежели слова; наконец, почему в тех или иных случаях автор выбирает именно такие выражения, а не иные. Это, в свою очередь, предполагает отказ от представления о политической мысли как о наборе «вечных тем», неизменных констант или «конституирующих субъектов», которые с ходом истории «развиваются», «проявляются» или «выходят на арену».

Таким образом, политический процесс может быть представлен как последовательность коммуникативных актов. Подготовка законодательных актов и – шире – любых текстов, оформлявших собой реализацию властных прерогатив в социальном пространстве, предполагала отбор определенного круга понятий, наделенных специфическими значениями, коннотациями и интонациями и необходимых для дискуссии вокруг подготовки того или иного решения, а также для его оформления конкретного акта коммуникации – правового акта. Крайне важно подчеркнуть: речь идет не об отношениях между теоретической и практической сторонами политики, а – в силу коммуникативной природы самого политического процесса – о реальной роли лексикона политика как неотъемлемой части самого этого процесса.

Однако в случае с «кембриджской школой» основная методологическая привлекательность состоит именно в ее опоре на весьма релевантную источниковую базу – комплексы политической литературы. *Sine qua* по артикуляции тех или иных идеологий необходимо публичное пространство дискуссий. В случае с изучением российской истории проблемой является тот факт, что в России – по крайней мере, до XX столетия – в целом отсутствовало поле для публичных дискуссий на политические вопросы. Поэтому уместно задаться вопросом, с какими проблемами столкнется

историк, планирующий применить инструментарий «новой политической истории» на российском материале, и какие перспективы могут быть открыты с помощью этого инструментария?

Одной из центральных проблем служит отсутствие большого числа опубликованных источников политической истории России. Например, изучение такого важного эпизода, как попытка Верховного тайного совета навязать Анне Иоанновне «кондиции» 1730 г., до недавнего времени требовала бы от исследователя обращения к обширному архивному материалу (только в 2010 г. И. В. Курукин и А. Б. Плотников сделали исследователям настоящий подарок, подготовив публикацию комплекса документов)⁵. Широкий круг исследователей, ранее вынужденный знакомиться с этими документами либо по выводам других историков, разрабатывавших проблему, либо самостоятельно проводя значительное время в архивах, теперь получил пространство для дискуссии.

С другой стороны, даже опубликованные источники зачастую страдают дефицитом интерпретаций. Крайне показательна судьба интеллектуального наследия М. М. Щербатова. На протяжении более чем ста лет он однозначно оценивался как «реакционер»⁶, и лишь в 90-е гг. XX в., благодаря работам Т. В. Артемьевой⁷, исследовательское сообщество по-настоящему «открыло» для себя Щербатова-просветителя.

Проблема заключается, в первую очередь, в прочных барьерах, которые в силу ряда обстоятельств оказались воздвигнуты между «административной» политической историей и историческим литературоведением, превратив их в «историю выводов» и «историю интерпретаций» соответственно. Например, основной источник поддержания интереса к политической истории России XVIII–XIX вв. в советской историографической парадигме – работы Н. Я. Эйдельмана⁸ – представляли собой в первую очередь своеобразный исторический «детектив» на основании источников. Интерпретативная же функция в большей степени сохранялась за историческим литературоведением. Блистательным примером того, насколько эффективным подчас мог быть литературоведческий анализ политического текста, служит интерпретация Г. А. Гуковским «Хора ко превратному свету» А. П. Сумарокова⁹. Однако литературоведческий анализ в целом оставался в «культурологическом поле», точнее говоря – в поле его внимания постоянно находилась сфера, которая не мыслилась как «политическая».

Таким образом, изучение политической истории России как истории интеллектуальной ставит перед специалистом сразу несколько вопросов, связанных с поиском и подбором источников, а также с выбором методов их интерпретации. Решение их, по-видимому, будет связано с поиском путей формирования единого источникового пространства, включающего широкую совокупность политических текстов: с одной стороны – опубли-

кованные литературные сочинения, а с другой – определенный круг архивных источников. Подобный синтез источников позволил бы преодолеть отмеченные выше барьеры между «выводами» и «интерпретациями», политической историей и историческим литературоведением, благодаря расширению фокуса интерпретации на источники, традиционно относящиеся к домену «административной истории», и одновременно – пристальному вниманию к историческому контексту, задаваемому источниковой базой исследования.

В практическом же отношении перспективы изучения политической истории России как истории интеллектуальной связаны, в первую очередь, с расширением публикаторской деятельности. Достаточно большое количество переизданий и новых публикаций будет способно создать поле для обсуждения, пространство для обмена уже не выводами, но верифицируемыми в историческом контексте интерпретациями.

---

¹ Каменский А. Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы: Препринт М.: ГУ ВШЭ, 2007.

² Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2009.

³ Хархордин О. Что такое «государство»? Европейский контекст // Понятие государства в четырех языках. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. С. 152-216; Исторические понятия и политические идеи в России XVI – XX век: Сборник научных работ. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; Алетей, 2006. Отметим также диссертацию С. В. Андрияйна (Андрияйнен С. В. П. И. Шувалов и его проекты государственных преобразований в 1744-1761 гг. Дис. канд. ист. наук. СПб.: С.-Петерб. ин-т истории РАН, 2007).

⁴ Bulwer-Lytton E. The Dramatic Works of Edward Bulwer Lytton. Vol. IX. New York: Peter Fenelon Collier, 1892. P. 136.

⁵ Курукин И. В., Плотицков А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010.

⁶ Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М.: Просвещение, 1967.

⁷ Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994

⁸ Эйдельман Н. Я. Мемуары Екатерины II – одна из раскрытых тайн самодержавия // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 149-160; *Он же*. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII-XIX вв. и Вольная печать. М.: Мысль, 1973; *Он же*. 17 сентября 1773 года // Знание-сила. 1984. № 1. С. 37-40; *Он же*. Где секретная конституция Фонвизина-Панина? // Наука и жизнь. 1973. № 7. С. 124-129; *Он же*. Твой восемнадцатый век. М.: Детская лит-ра, 1986; *Он же*. Грань веков: Полит. борьба в России: Конец XVIII - начало XIX столетия // В борьбе за власть: Страницы полит. истории России XVIII в. М.: Мысль, 1988. С. 284-584; *Он же*. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.

⁹ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в. Дворянская фронда в литературе 1750-х-1760-х гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.